

О СОЕДИНЕНИИ ЦЕРКВЕЙ.

Разборъ энциклики папы Льва XIII отъ 20 іюня 1894 года ¹⁾.

Мм. Гг.! напу настоящую рѣчь весьма прилично начать словами церковной пѣсни, которая постоянно возглашается въ храмахъ здѣшней обители, посвященныхъ имени Святой Живоначальной Троицы: *Егда, снисшедъ, языки слія, раздѣляше языки Вышній: егда же огненные языки раздалше, въ соединеніе вся призва, и согласно славимъ Всесвятаго Духа* ²⁾.

Въ этомъ церковномъ пѣснопѣніи сопоставлены два величайшія событія всемірной исторіи, раздѣленные промежуткомъ времени въ 2300 лѣтъ, какъ бы отчасти сходны по цѣли и вмѣстѣ съ тѣмъ совершенно противоположны по своимъ послѣдствіямъ. Протекло уже свыше четырехъ тысячъ лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ совершилось первое изъ этихъ событій; да и со времени втораго событія миновало почти девятнадцать вѣковъ. Но память о нихъ не изгладилась и никогда не изгладится.

Изъ краткаго повѣствованія ветхозавѣтнаго Бытописателя о первомъ событіи видно, что чрезъ нѣсколько времени послѣ потопа люди размножились и поняли, что жить имъ въ одномъ мѣстѣ тѣсно, и что настало время разойтись имъ въ разныя стороны; тогда они, и въ особенности сильнѣйшіе изъ нихъ, каковъ былъ Нимродъ, сила и звѣроловное искусство котораго вошли въ поговорку, сказали другъ другу: *Построимъ себѣ городъ и башню, высотой до небесъ, и сдѣлаемъ себѣ имя, прежде нежели раз-*

¹⁾ Академическая рѣчь, произнесенная съ сокращеніями на годичномъ актѣ Московской Духовной Академіи 1-го октября 1895 года.

²⁾ Кондакъ праздника Святыя Троицы.

стѣмся по лицу всей земли. И сошелъ Господь поспотрѣть городъ и башню, которые строили сыны человеческіе. И сказалъ Господь: вотъ, одинъ народъ, и одинъ у всѣхъ языкъ; и вотъ, что начали они дѣлать, и не отстанутъ они отъ того, что задумали дѣлать. Сойдемъ же и смѣшаемъ тамъ языкъ ихъ, такъ чтобы одинъ не понималъ рѣчи другаго. И разстѣялъ ихъ Господь оттуда по всей землѣ; и они перестали строить городъ (и башню) (Быт. 11, 1—8).

О второмъ событіи Новозавѣтныи Дѣписатель разсказываетъ (Дѣян. 2 гл.), что въ пятидесятый день по воскресеніи Иисуса Христа Духъ Святый сошелъ въ видѣ огненныхъ языковъ на Апостоловъ, которые всѣ были единомыслиемъ, и они начали говорить на разныхъ языкахъ, а Апостолъ Петръ собравшимся Іудеямъ и иностранцамъ началъ проповѣдывать о Христѣ, и эта проповѣдь имѣла такую силу, что въ тотъ же день крестилось до трехъ тысячъ, положено было начало Христіанской Церкви, и вѣра въ Иисуса Христа, возрастая все болѣе и болѣе чрезъ евангельскую проповѣдь Апостоловъ и ихъ преемниковъ, вскорѣ объединила даже и отдаленные другъ отъ друга племена и народы въ одномъ царствѣ истины, правды, мира и любви, въ царствѣ Божіемъ.

Въ обоихъ этихъ событіяхъ цѣль начинанія была одна — объединеніе людей; но какое огромное различіе получилось въ концахъ предпріятій! Тамъ, при Вавилонскомъ столпотвореніи, желали поддержать единеніе между людьми, которые жили пока вмѣстѣ и говорили на одномъ языкѣ, которымъ только еще въ будущемъ настояла нужда разсѣлиться по разнымъ странамъ и для которыхъ разселеніе могло и не быть совершеннымъ разъединеніемъ; но достигли какъ разъ противоположнаго результата: люди не только разсѣялись по лицу земли, но и стали чужими другъ другу, такъ какъ перестали понимать другъ друга; разноязычіе даже и сосѣдніе народы раздѣлило и разобищило гораздо болѣе, нежели пространныя моря, необозримыя пустыни, непроходимыя лѣса, непроходимыя горы или болота.

Напротивъ, здѣсь, при сошествіи Святаго Духа, разновѣрные, разноязычныя, разноплеменные и разнохарактерныя народы, услышавши Іудеевъ, т. е., Апостоловъ, гово-

рящихъ на ихъ языкахъ, пораженные этимъ чудомъ и умиленные ихъ проповѣдью о спасеніи всѣхъ людей чрезъ Иисуса Христа, сдѣлались христіанами и вмѣстѣ съ этимъ забыли свою исконную рознь и національную вражду и въ такой необычайной степени прониклись единодушіемъ, что имѣли все общее (Дѣян. 2, 44—46).

Отъ чего произошло столь поразительное различіе?

Отъ того, что столпотвореніе Вавилонское было дѣло человѣческое, и притомъ дурное дѣло. Городъ и башню строили *сыны человѣческіе*; а слова Бытописателя, что *Господь сошелъ посмотреть городъ и башню* и что Онъ помѣшалъ продолжать постройку ихъ, показываютъ, что люди начали строить ихъ не во имя Божіе, не призвавши Бога на помощь, а, можетъ быть, даже и наперекоръ волѣ Божіей, выраженной въ пророчествѣ Ноя о своихъ сыновьяхъ и о судьбахъ ихъ потомства; они строили городъ и башню для того, чтобы *сдѣлать себѣ имя*, прославиться; они мечтали эту башню и городъ сдѣлать какъ бы всемірною столицею, откуда они могли бы управлять всѣми, даже и самыми отдаленными, народами; не для блага имѣвшихъ разсѣяться народовъ задумали они воздвигнуть городъ и башню, а побуждаемые тщеславіемъ, честолюбіемъ, властолюбіемъ, склонностію къ тиранніи; уже самая дерзновенность замысла построить башню высотой до небесъ свидѣтельствуешь о необыкновенной, можно сказать, сатанинской гордости строителей, совершенно затмившей ихъ разсудокъ. Напротивъ, все совершившееся въ пятидесятый день по воскресеніи Христа было дѣломъ Божиимъ: Иисусъ Христосъ заповѣдалъ Апостоламъ не отлучаться изъ Іерусалима, пока они не облечутся силою свыше, и они въ точности исполнили это завѣщаніе; отъ Духа Святаго они получили способность говорить на разныхъ языкахъ; силою Духа Святаго стали они проповѣдывать Евангеліе; не въ свое имя, а во имя Христа стали они крестить и устроить Церковь, которая силою Божіею стала быстро расти и распространяться по всей землѣ.

Изъ сказаннаго вытекаютъ два вывода: во-первыхъ, не всякое объединеніе людей и народовъ есть дѣло доброе и богоугодное; во-вторыхъ, предпринимаемая людьми попытки сблизить и объединить племена и народы только въ томъ

случаѣ могутъ имѣть успѣхъ, когда онѣ совершаются во имя Божіе и для блага людей, а когда ихъ затѣваютъ для удовлетворенія страстей человѣческихъ, или по требованію прихотей, то они скорѣе могутъ вести людей еще къ бѣльшему раздѣленію и разобщенію, нежели къ миру и соединенію.

Какъ ни просты и самоочевидны эти истины, однако люди, ослѣпляемые страстями, упускаютъ ихъ изъ виду, или, увлекаемые земными и личными расчетами, забываютъ о нихъ.

Между тѣмъ если когда, то именно въ наше время необходимо ихъ помнить и сообразно съ ними дѣйствовать; нынѣ какъ нельзя болѣе благовременна рѣчь о соединеніи всѣхъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ умѣстно напоминать и эти истины.

Въ самомъ дѣлѣ, едва-ли было другое время, когда бы объединительное движеніе между людьми выражалось столь разнообразно и распростиралось столь широко, какъ это мы видимъ въ наши дни. Мы не говоримъ о союзахъ политическихъ, — такого рода союзы бывали во всѣ времена, — но въ наше время съ значительною силою проявилось стремленіе къ объединенію и слиянію между единоплеменными, но разрозненными раньше въ силу политическихъ переворотовъ и другихъ причинъ, народами: разумѣемъ объединительныя движенія — съ одной стороны, племенъ германскихъ, съ другой, славянскихъ. Затѣмъ въ наше время получили силу союзы общественные, союзы состояній и сословій. Таковы компаніи и артели въ торговопромышленномъ мірѣ; таковы всемірныя, національныя и провинціальныя выставки, общія и спеціальныя; таковы международныя и національныя съѣзды художниковъ и ученыхъ по разнымъ спеціальностямъ.

Повидимому, усиленное стремленіе людей нашего времени къ взаимообщенію и объединенію, проявляющееся въ разныхъ видахъ и способахъ, есть естественный протестъ и реакція противъ излишней индивидуализаціи или эгоистической обособленности, чрезмѣрное усиленіе которой есть плодъ односторонности умственного развитія и особенно одного изъ проявленій этого развитія — крайняго раздѣленія труда, чрезвычайной спеціализаціи его. Но не можетъ быть сомнѣнія и въ томъ, что общеніе между людьми и самыми отдаленными другъ отъ друга народами усилилось и расширилось благодаря изобрѣтеннымъ въ нашъ вѣкъ спосо-

бамъ быстролетнаго и удобнаго передвиженія людей и передачи ихъ словъ на огромныхъ пространствахъ воды и суши. Вотъ что говоритъ объ этомъ одно важное лицо, о которомъ у насъ будетъ рѣчь дальше. „Для возстановленія согласія, равно какъ и для распространенія Евангелія переживаемое нами время кажется особенно благоприятнымъ вслѣдствіе того, что въ умахъ съ особенною силою живетъ сознаніе человѣческаго братства, и никогда ни въ какомъ вѣкѣ человѣкъ не стремился съ такимъ стараніемъ къ тому, чтобы узнать подобныхъ себѣ и придти имъ на помощь; поѣзда и корабли съ невѣроятною быстротою пробѣгаютъ огромныя пространства земли и моря, представляя неоцѣнимыя удобства не только для торговли и изслѣдованій ученыхъ, но также и для распространенія Слова Божія отъ восхода до заката солнца“ ¹⁾.

Современное движеніе къ взаимообщенію и единенію, проявляясь во всѣхъ областяхъ жизни, не могло не коснуться и религіозной жизни. Какъ бы въ противовѣсъ дробленію протестантскаго исповѣданія на секты, рядомъ съ обособленіемъ старокатоликовъ отъ Римской церкви и дробленіемъ нашего русскаго раскола и сектантства на различные толки, идетъ объединительное религіозное и вѣроисповѣдное движеніе. Такъ, въ истекающемъ столѣтіи были попытки, хотя слабыя и кончившія ничѣмъ, къ сближенію Англиканской епископальной церкви съ Православною Церковію. Не далѣе, какъ въ 1895 г., на церковномъ съѣздѣ въ Норичѣ горячо обсуждали вопросъ о томъ, къ соединенію съ какою церковію должна стремиться Англиканская церковь—съ Римскою-ли, или съ Восточною Церковію. Затѣмъ въ настоящее время сближенія съ нашею Церковію домогаются, или по крайней мѣрѣ говорятъ о немъ, старокатолики. Наконецъ, мы были свидѣтелями не бывалаго во всемірной исторіи и почти невозможнаго по существу дѣла проявленія объединительнаго религіознаго движенія: разумѣмъ всемірный конгрессъ представителей религій въ Чикаго, на всемірной Колумбовой выставкѣ, въ 1893 году.

На этомъ удивительномъ конгрессѣ вмѣстѣ сидѣли, по-

---

¹⁾ Энциклика папы Льва XIII отъ 20 іюня 1894 года, въ концѣ.

видимому, мирно бесѣдуя и безпрекословно и безпрепятственно провозглашая свои религіозныя вѣрованія, греческій православный епископъ, римско-латинскіе епископы и пастеры, англиканскіе епископы и священники, лютеранскіе и реформатскіе пасторы, учителя разнообразныхъ протестантскихъ сектъ, еврейскіе раввины, буддійскіе бонзы, мухаммеданскіе муллы, индусскіе брамины. Это было въ своемъ родѣ какъ бы вавилонское смѣшеніе и языковъ и религій. Правда, ни къ какимъ практическимъ послѣдствіямъ этотъ конгрессъ, какъ и слѣдовало ожидать, не привелъ. Религіи остались по прежнему каждая сама по себѣ. Между представителями ихъ, бывшими на конгрессѣ, не только не воспослѣдовало сближенія и примиренія, но даже, не смотря на принятые предупредительныя мѣры, не смотря на утонченную деликатность въ обращеніи, исконное недовѣріе, нерасположеніе и враждебность представителей однихъ религій къ представителямъ другихъ религій, все-таки прорывались наружу. Устроители и распорядители конгресса, равно какъ и члены его, не осмѣлились сдѣлать хотя бы тотъ скромный шагъ на пути сближенія религій, чтобы пригласить членовъ конгресса и вообще всѣхъ, сочувствующихъ дѣлу примиренія между религіями, собираться и-впредь на имѣющихъ быть всемірныхъ выставкахъ, съ цѣлю если не объединенія поклонниковъ разныхъ религій другъ съ другомъ, то по крайней мѣрѣ для облегченія возможности всѣмъ интересующимся религіозными ученіями лучше узнать тѣ религіи, ознакомленіе съ которыми имъ желательно и полезно. Ни къ чему не привелъ этотъ конгрессъ, съ одной стороны, потому, что вода и огонь между собою не мирятся, а, съ другой, потому, что этотъ конгрессъ былъ дѣломъ чисто человѣческимъ, а не Божіимъ. Подобно тому, какъ Нимродъ и его сообщники сказали: сдѣлаемъ себѣ имя, построимъ башню, нигдѣ невиданную, никогда не слыханную, башню до небесъ: такъ и Барроусъ и другіе Американцы захотѣли похвастаться тѣмъ, что на ихъ выставкѣ было то, чего не было ни на какой другой выставкѣ, да и нигдѣ и никогда не было, что они устроили восьмое чудо свѣта, живую выставку религій. Правда, устроители конгресса могли преслѣдовать и болѣе серьезныя цѣли, напр., желали облегчить ученымъ способы къ ознакомленію съ ре-

лигіями, дать имъ возможность услышать слово о религіяхъ изъ устъ самихъ представителей этихъ послѣднихъ; но все-таки едва-ли мы ошибемся, если скажемъ, что дѣло это было предпринято не во имя Божіе, а изъ расчетовъ человеческихъ.

Тѣмъ не менѣе уже самый замыселъ созвать такой конгрессъ и смѣлость имѣть надежду на осуществленіе этого замысла показываютъ, что устроители конгресса затѣвали свое дѣло не безъ расчета на потребность людей нашего времени къ братскому общенію. А что конгрессъ состоялся и былъ даже полонъ и многолюденъ, это уже нельзя не признать событіемъ важнымъ. Важно не только то, что это событіе никогда небывалое: поразительно то, что представители различныхъ религій, изъ которыхъ многія враждебны между собою, приняли приглашеніе пріѣхать на конгрессъ, дѣйствительно пріѣхали туда,—иные изъ отдаленныхъ концовъ міра,—спокойно и мирно сидѣли рядомъ другъ съ другомъ, каждый безпрепятственно восхвалялъ или описывалъ свою религію и выслушивалъ другихъ; члены конгресса не разошлись, не разѣхались раньше конца его, не перессорились; однимъ словомъ, они начали, продолжали и кончили дѣло, можетъ быть, не хуже, чѣмъ какъ бываетъ на всякихъ иныхъ сѣздахъ. Если и были неудовольствія, то вѣдь безъ непріятностей и ссоръ рѣдко оканчиваются и другіе сѣзды. По нашему мнѣнію, Чикагскій конгрессъ религій показывалъ, что поклонники различныхъ религій менѣе непріязненны другъ къ другу, чѣмъ какъ обыкновенно полагаютъ, и что если какое, то именно настоящее время благоприятствуетъ тому, чтобы представители различныхъ религій завязывали между собою мирныя и дружелюбныя сношенія и чтобы христіанскіе миссіонеры воспользовались подобными сношеніями для цѣлей распространенія христіанства между нехристіанскими народами. Не забудемъ, что Чикагскій конгрессъ религій имѣлъ мѣсто въ христіанской странѣ, былъ созванъ и устроенъ христіанами, огромное большинство членовъ его состояло изъ христіанъ, и если, не смотря на это, язычники и другіе не-христіане явились на этотъ конгрессъ и не отказались участвовать въ немъ, то въ этомъ нельзя не видѣть признака того, что язычники и другіе иновѣрцы гораздо болѣе питаютъ довѣрія,

уваженія и расположенія къ христіанству, нежели какъ принято думать. Если язычники иногда убиваютъ миссіонеровъ и прочихъ христіанъ въ своихъ земляхъ, то причины такихъ взрывовъ вражды язычниковъ къ христіанамъ и христіанству заключаются не столько въ національной и релігіозной непріязни язычниковъ къ христіанамъ, сколько въ самихъ христіанахъ, которые взаимнымъ соперничествомъ роняютъ себя и свою вѣру въ глазахъ язычниковъ и раздражаютъ послѣднихъ своимъ недостойнымъ христіанъ обращеніемъ съ ними, издѣвательствомъ надъ ихъ обычаями, а иногда и дурнымъ образомъ жизни; если въ настоящее время иновѣрцы не такъ охотно обращаются въ христіанство, какъ это было въ первые вѣка, то причина этого не въ томъ, что теперешніе язычники, іудеи и другіе иновѣрцы болѣе привязаны къ своимъ релігіознымъ заблужденіямъ и съ меньшею терпимостію относятся къ имени Христа, — скорѣе даже напротивъ, — а въ томъ, что сами христіане равнодушны къ своей вѣрѣ и не имѣютъ той горячей любви ко Христу и той пламенной ревности къ дѣлу распространенія христіанства, какія горѣли въ сердцахъ христіанъ первыхъ вѣковъ.

Но хотя конгрессъ представителей релігій на Колумбовой выставкѣ принадлежитъ къ самымъ характернымъ проявленіямъ объединительнаго движенія нашего времени въ области релігіозной жизни, хотя, поэтому, было бы уместно дать безпристрастную характеристику и серьезную оцѣнку этого конгресса, тѣмъ не менѣе мы поведемъ рѣчь не о немъ, а о другомъ, еще болѣе недавнемъ, опытѣ объединения разъединенныхъ исповѣданій и релігій, — разумѣемъ призывъ папы Льва XIII, обращенный къ государямъ и всѣмъ народамъ и приглашающій всѣхъ людей соединиться въ одно общество согласно-вѣрующихъ подъ главенствомъ папы.

Конечно, такого рода призывъ самъ по себѣ не новость: это не то, что конгрессъ представителей релігій, въ Чикаго. Папы въ теченіе цѣлой тысячи лѣтъ, протекшихъ со времени отдѣленія Запада отъ Восточной церкви, не упускали изъ виду и не теряли надежды присоединить къ своей церкви православный Востокъ и, лишь только представлялись удобные случаи и благоприятныя обстоятельства, употребляли всѣ возможныя

усилія къ осуществленію своихъ завѣтныхъ желаній и надеждъ. Однако призывъ папы Льва XIII къ соединенію имѣетъ и нѣчто особенное.

Прежніе папы домогались присоединить къ своей церкви преимущественно одну Православную Восточную Церковь. Хотя чрезъ своихъ уполномоченныхъ лицъ, чрезъ епископовъ и патеровъ, чрезъ монашескіе ордена, въ особенности чрезъ іезуитовъ, папы вели усиленную пропаганду латинской вѣры и въ странахъ протестантскихъ, а чрезъ миссіонеровъ—и въ странахъ языческихъ; но у нихъ не доставало смѣлости обратиться съ высоты своего престола ко всему протестантскому міру и пригласить его склониться къ подножію этого престола. Пана Левъ XIII оказался смѣлѣе и рѣшительнѣе всѣхъ своихъ предшественниковъ: онъ прямо призываетъ соединиться съ Латинскою церковію и признать его своимъ главою всѣ православныя восточныя церкви и весь протестантскій міръ.

Но смѣлость папскаго призыва и громадность его замысловъ возрастутъ въ нашихъ глазахъ еще болѣе, когда мы узнаемъ, для какой цѣли папа приглашаетъ всѣхъ христіанъ объединиться подъ его властію. Онъ какъ бы такъ говорить: „Если всѣ католики, всѣ православные и всѣ протестанты соединятся вмѣстѣ подъ моимъ водительствомъ, то составитъ чуть не полмилліарда людей. Ни одинъ всемірный завоеватель, ни Вавилонскіе и Персидскіе цари, ни Александръ Македонскій, ни Римскіе цезари, ни Чингисъ-Ханъ, ни Тамерланъ, или Наполеонъ, не имѣли въ своей власти и распоряженіи и малой доли такого огромнаго числа людей. Съ такою объединенною громадою мы завоюемъ весь міръ. Всѣхъ сопротивляющихся намъ, если только такіе смѣлчаки найдутся, мы уничтожимъ, сметемъ съ лица земли. Затѣмъ соединенными силами двинемся на міръ иновѣрный, нехристіанскій.

Правда, въ немъ можно насчитать свыше милліарда людей; тѣмъ не менѣе онъ не можетъ оказать намъ серьезнаго сопротивленія. Онъ безсильнъ, такъ какъ не имѣетъ образованности и распадается на множество чуждыхъ одна другой и истребляющихъ одна другую группъ. Не имѣетъ онъ ни вещественнаго видимаго центра, ни духовнаго принципа, которые объединяли бы разсѣянные по лицу земли племена. Нѣтъ у него Вавилонской башни, около которой

сосредоточивались бы его помыслы и желанія; нѣтъ у него и Нимрода, который могъ бы воодушевить эти массы людей одною идеею и двинуть ихъ къ достиженію одной цѣли. Язычниковъ, мухаммеданъ, іудеевъ, всѣхъ обратимъ въ католическую вѣру, и тогда исполнятся слова Христа: *и будетъ одно стадо и одинъ Пастырь* (Іоан. 10, 16). Одно стадо—это всѣ народы и племена земные, все человѣчество; одинъ пастырь—это я, папа римскій“.

И кто же питаетъ такіе замыслы? Кто не только питаетъ ихъ въ серлцѣ, но и провозглашаетъ ихъ всенародно, всемірно, обращаясь ко всѣмъ царямъ и народамъ земли? Не Григорій VII, Гильдебрандтъ, не Иннокентій III, или иной какой средневѣковый папа, которые обращались съ императорами и королями, какъ господа съ рабами, которые за послушаніе своей воли имѣли силу отлучать отъ Церкви цѣлыя царства, которые могуществомъ превосходили всѣхъ царей земныхъ, которые почти однимъ мановеніемъ руки воздвигали несмѣтныя полчища крестоносцевъ и приказывали вести ихъ въ далекую Палестину, на завоеваніе Іерусалима, на опасную борьбу съ страшными тогда и могущественными Турками. Нѣтъ, такъ говоритъ папа Левъ XIII, Ватиканскій узникъ, земельная собственность котораго не превышаетъ размѣрами имѣній крупнаго русскаго землевладѣльца, которому въ лицѣ его духовенства и его церкви оказываютъ намѣренное неуваженіе, явное сопротивленіе и дерзкое противодѣйствіе правительства и народы даже странъ, издавна бывшихъ и доселѣ остающихся странами католическими, каковы Франція и сама Италія вмѣстѣ съ Римомъ, у котораго въ самихъ католическихъ странахъ найдутся милліоны враговъ, относящихся къ нему и его духовенству и церкви то съ обиднымъ пренебреженіемъ и презрѣніемъ, то съ злобными насмѣшками и наглыми ругательствами, либо ограничивающихъ права церкви и преимущества духовенства стѣснительными законами, который много лѣтъ не показывается на улицахъ бывшей папской столицы, на улицахъ „своего города“, вѣроятно изъ опасенія, какъ бы уличные мальчишки, дѣти озлобленныхъ враговъ его, не стали бросать въ него грязью. Папство низвержено съ прежней высоты власти и могущества, а между тѣмъ папа смѣло обращается съ рѣчью

къ царямъ и народамъ, ко всему христіанскому міру, даже ко всей вселенной, и самоувѣренно всѣхъ призываетъ стать подъ его знамя. Уже это одно заставляеть внимательно прислушаться къ словамъ папы. Каждаго невольно поражаютъ смѣлость рѣчи, самоувѣренность тона, широта замысловъ. Самъ собою рождается вопросъ, голосъ-ли это исполина мысли и дѣла, или пустыя слова безсильнаго фантазера и мечтателя?

Впрочемъ и безъ этихъ особенностей всякіе вообще призывы папы къ соединенію съ Латинскою церковію не могутъ не обращать на себя вниманія православной Россіи. Вѣдь на западной ея окраинѣ, самой боевой и опасной, живутъ миліоны Поляковъ, которые по своей вѣрѣ подчинены папѣ, а за свои пораженія въ борьбѣ съ Русскими и политическое уничтоженіе ихъ царства ненавидятъ Россію и Русскихъ. Намъ нельзя не считаться съ папою. Вотъ почему призывъ папы къ объединенію, хотя онъ по существу есть повтореніе прежнихъ подобныхъ же опытовъ, для насъ имѣетъ болъшую важность, нежели безпочвенный и эфемерный конгрессъ представителей религій въ Чикаго.

Свой призывъ къ соединенію всѣхъ людей вокругъ папскаго престола, обращенный къ государямъ и народамъ, Левъ XIII высказалъ въ энцикликѣ, т. е., въ окружномъ посланіи, которая, кажется, подготовлялась давно, но была издана лишь лѣтомъ 1894 года, и по слѣдующему поводу.

Въ 1893 году совершилось пятьдесятъ лѣтъ епископскаго служенія папы. Само собою понятно, что Латинская церковь съ великою торжественностію отпраздновала полу-вѣковой юбилей своего главы. Много обстоятельствъ благопріятствовало блеску и торжественности этого празднованія. Глубокая и вмѣстѣ съ тѣмъ бодрая старость Льва XIII ¹⁾, его многолѣтнее и ревностное служеніе Латинской церкви сначала въ нисшихъ іерархическихъ степеняхъ, а потомъ въ санѣ епископа, кардинала, и наконецъ первосвященника ²⁾, его разносторонняя ученость, его высокія умственные и нравственные качества, его мудрое управленіе церковію, его необыкновенная способность держать съ достоинствомъ

¹⁾ Графъ Іоакимъ Печчи, въ послѣдствіи Левъ XIII, родился въ 1810 г.

²⁾ Энциклика издана на семнадцатомъ году его первосвященства.

знамя вѣры и своей церкви въ настоящія трудныя для нихъ времена, его дипломатическое искусство и умѣнье, съ какими онъ возвысилъ, сколько возможно, уроненное его предшественниками, и особенно Пиемъ IX, значеніе папства, какъ силы политической, общественной и церковной, его необычайная для столь глубокой старости отзывчивость на запросы современной жизни и пониманіе важнѣйшихъ потребностей ея, его энергическія усилія разрѣшить вопросы церковныя, государственныя и социальныя, стяжали ему уваженіе среди не однихъ только латинянъ ¹⁾. Что же удивительнаго, если дѣти Латинской церкви поспѣшили выразить папѣ, кто какъ могъ, свои сердечныя благожеланія и поздравленія? Ревностнымъ латинянамъ тѣмъ сильнѣе желалось всенародно заявить свое сочувствіе и почтеніе къ папѣ, что у нихъ наболѣло сердце при видѣ униженія и упадка, которымъ подверглось папство въ послѣднее полу столѣтіе. Таковыя своими шумными заявленіями преданности папѣ, съ одной стороны, желали утѣшить и ободрить почтеннаго старца, а съ другой—показать противникамъ и врагамъ папства и папы, что папство не настолько упало, какъ они думаютъ, что друзей папы не перечесть и что силы папы, латинскаго духовенства и всей Латинской церкви еще очень велики, даже неисчерпаемы ²⁾.

---

1) Такъ изображаютъ достоинства папы сами латиняне, которымъ даже при всемъ желаніи быть бзпристрастными въ оцѣнкѣ личности папы и его дѣятельности трудно удержаться отъ преувеличеній въ похвалахъ ему. Но, повидимому, дѣйствительно, Левъ XIII можетъ быть причисленъ къ лучшимъ папамъ.

2) Что нарочитая торжественность празднованія юбилея папы отчасти была вызвана желаніемъ приверженцевъ папы устроить демонстрацію противъ враговъ его, это и само собою понятно, и подтверждается тѣмъ, что произошло въ сентябрѣ 1895 г. Сентября 8/20 1895 г. Итальянское правительство шумно праздновало двадцатинилѣтній юбилей со времени завоєванія Папской области. взятія города Рима и присоединенія ихъ къ Итальянскому королевству, чѣмъ докончено было объ единеніе Италіи. Хотя торжество это было чисто національнымъ праздникомъ Италіи, воспоминаніемъ о вѣщавшемъ своемъ объединеніи и хотя Итальянское правительство, устроивъ это торжество, не желало нарѣженно досаждать папѣ, или дѣлать демонстрацію и противъ чего и противъ Латинской церкви, тѣмъ не менѣе приверженцы папы, полагая, что это празднваніе крайне несприятно папѣ, выразили ему съ чувствомъ протеста нѣсколько телеграммъ и денежныя пожертвованія.

Торжественныя и шумныя проявленія покорности и почтенія, любви и преданности, дружно и разнообразно выраженные латинянами папѣ по случаю его юбилея, очень тронули и обрадовали папу. Они были ему тѣмъ болѣе пріятны, что онъ, глава двухъ сотъ милліоновъ христіанъ, т. е., седьмой части всего населенія земнаго шара, въ настоящее время сидитъ запершись въ Ватиканѣ, какъ какой нибудь важный и знатнаго рода преступникъ, засаженный въ богато-убранную тюрьму. Въ порывѣ охватившей его радости папа составилъ и 20 іюня 1894 года издалъ энциклику. По начальнымъ словамъ эта энциклика получила названіе: *Praeclara gratulationis publicae testimonia* ¹⁾; а по предмету и содержанію своему она должна быть названа энцикликой о соединеніи церквей и всѣхъ людей подъ главенствомъ папы.

Въ самомъ началѣ энциклики папа въ слѣдующихъ восторженныхъ словахъ выражаетъ безграничную широту и разнообразіе проявленій сочувствія ему со стороны множества людей, свою радостную благодарность всѣмъ выразившимъ ему сочувствіе и обязанности своего служенія людямъ: „Славныя заявленія народнаго поздравленія, которыя въ теченіи всего прошлаго года, въ память юбилея нашего епископства, мы получали отовсюду и которыя въ послѣднее время завершились знаменательнымъ выраженіемъ почтенія со стороны Испанцевъ, прежде всего доставили намъ тотъ плодъ радости, что въ этомъ совпаденіи и согласіи волей проявилось единство Церкви и ея славное единеніе съ верховнымъ первосвященникомъ. Казалось, что въ эти дни весь католическій міръ, какъ бы забывъ о всѣхъ другихъ дѣлахъ, устремился и очами и духомъ всецѣло къ Ватикану. Посольства государей, посѣщенія паломниковъ, полныя любви посланія, священнѣйшія церемоніи, явно свидѣтельствовали о томъ, что въ отношеніи апостольской кафедры у всѣхъ католиковъ одно сердце и одинъ духъ. Все это было тѣмъ болѣе радостно и пріятно для насъ, что всецѣло совпадаетъ съ нашими желаніями и ожиданіями. Ибо, сознавая направленіе временъ и обязанности своего служенія, мы, въ продолженіе всего нашего епископства,

¹⁾ Всѣ вообще папокія энциклики называются по начальнымъ словамъ своимъ.

постоянно имѣли это въ виду, равно какъ и то, чтобы, при всякой возможности, ученіемъ и дѣломъ, тѣснѣе привязывать къ себѣ всѣ народы и всѣ племена, а также особенно выставлать на видъ, что власть римскаго первосвященника спасительна во всѣхъ отношеніяхъ. Великую, поэтому, воздаемъ мы благодарность прежде всего Божественному милосердію, благодатію и щедротами котораго мы невредимо достигли настоящаго вѣка; затѣмъ государямъ, епископамъ, духовенству и всѣмъ частнымъ лицамъ, всѣмъ, которые многоразличными заявленіями своей преданности и уваженія, проявленнаго по отношенію къ нашему дѣлу, какъ и къ нашей личности, доставили намъ въ частности великое утѣшеніе“.

Въ этихъ словахъ, исполненныхъ любезности и радости, обращаютъ наше вниманіе три заявленія папы:

Во первыхъ, что единокрушіе латинскаго міра въ выраженіи сочувствія и преданности папѣ не было для него чѣмъ-то неожиданнымъ: онъ былъ увѣренъ въ томъ, что Латинская церковь имѣетъ полное единеніе и какъ бы одну волю съ своимъ первосвященникомъ;

Во вторыхъ, что постоянная задача его служенія состоитъ въ томъ, чтобы всѣми способами тѣснѣе привязывать къ себѣ всѣ народы и всѣ племена;

Въ третьихъ, что служеніе его состоитъ также въ томъ, чтобы особенно выставлать на видъ, что власть римскаго первосвященника спасительна во всѣхъ отношеніяхъ.

Мысли втораго и особенно третьяго изъ этихъ заявленій папы и составляютъ тему его энциклики.

Тема энциклики раскрывается такъ. Упомянувши во вступленіи о многочисленности и разнообразіи заявленій преданности себѣ, выразивши по этому поводу свою радость и заявивши о задачахъ своего служенія, папа затѣмъ дѣлаетъ слѣдующую оговорку: „Но для полнаго и всецѣлаго утѣшенія не доставало еще многого. Ибо среди самыхъ этихъ заявленій народной радости и почтительности нашъ духъ смущался мыслию, что существуетъ еще огромное множество людей, которые остались чуждыми этого единокрушнаго движенія католиковъ, частью потому, что они совсѣмъ не знаютъ евангельской мудрости, а частью потому, что, хотя и посвященные въ христіанскую вѣру, состоятъ въ разрывѣ

съ католическою вѣрою. Этимъ обстоятельствомъ мы тяжело были смущены и смущаемся: нельзя безъ глубокаго чувства скорби думать объ этой части человѣческаго рода, которая давно уклонилась отъ насъ, вступивъ на ложный путь“.

Папу огорчила мысль о томъ, что поздравленія ему принесла только одна Латинская церковь, которая, какъ ни велика она, всетаки составляетъ едва седьмую часть человечества. Гдѣ-же остальные шесть седьмыхъ людей? Увы! изъ этого безчисленнаго сонма людей никто не пришелъ на поклонъ къ папѣ, никто не прислалъ ему привѣтствія. Мало того: цѣлый милліардъ людей, — язычники и мухаммедане, — даже и не слышали о юбилеѣ папы, да совсѣмъ и не знаютъ, что есть на свѣтѣ папа, что живетъ онъ въ Римѣ, въ Ватиканѣ, что пока онъ — глава только латинянъ, но желаетъ быть главой всей вселенной и плачетъ о томъ, что безчисленные народы и племена его совсѣмъ не знаютъ. Да что говорить о невѣжественныхъ, суевѣрныхъ язычникахъ и не менѣе новѣжественныхъ, лжовѣрующихъ мухаммеданахъ: даже и хрістіане не-латиняне, — цѣлая сотня милліоновъ православныхъ, сотня милліоновъ протестантовъ, — хотя знаютъ, что въ Римѣ есть папа, а иные слышали и о юбилеѣ его, но никто изъ нихъ не выразилъ сочувствія папѣ. Все это папа знаетъ, и вотъ самая полнота сочувствія, выраженаго ему Латинскою церковію, сдѣлалась для него хотя и сладкою, но отравленною горькимъ ядомъ, чаею.

Почему же однако папа не довольствуется тѣмъ почетомъ, который ему воздали латиняне по случаю его юбилея? Вѣдь и этотъ почетъ столь великъ, что папѣ можетъ позавидовать любой изъ самыхъ могущественныхъ государей. Что ему еще нужно?

Мы думаемъ, что главнѣйшій источникъ недовольства папы заключается въ томъ свойствѣ человѣческой природы, которое, — идетъ-ли человѣкъ въ хорошемъ, или въ дурномъ направленіи, — побуждаетъ его не останавливаться ни на какой ступени, какъ бы ни была она высока, а идти дальше и дальше, въ безконечность. Такъ, человѣкъ, погруженный въ науку, изо дня въ день приумножаетъ свои познанія; но чѣмъ больше обогащается ими, тѣмъ менѣе они удовлетворяютъ его, тѣмъ шире раздвигаются предъ

его взорами уходящiе въ невѣдомую даль предѣлы непознаннаго и тѣмъ ничтожнѣе кажутся ему размѣры познаннаго, и это сознанiе вноситъ въ его сердце грусть. Такъ, святой подвижникъ прилагаетъ добродѣтели къ добродѣтелямъ, подвиги къ подвигамъ, а все кажется ему, что онъ ничего истинно-добраго не сдѣлалъ и есть худшiй изъ грѣшниковъ. Такъ, съ другой стороны, „рачитель имѣнiй“, накопивши тысячи рублей, употребляетъ всевозможныя усилiя, чтобы нажить десятки и сотни тысячъ рублей, а достигши этой цѣли, онъ уже мечтаетъ добыть миллионы, но и миллионы не только не утоляютъ его жажды къ приобрѣтенiямъ, а даже еще болѣе распаляютъ ее. Такъ, счастливый завоеватель, одержавши нѣсколько побѣдъ, покоривши дватри народа, не останавливается въ своемъ побѣдоносномъ шествiи, но замышляетъ покорить и другiя царства, а покоривши ихъ, мечтаетъ подчинить своей власти всѣ народы и владычествовать надъ всею вселенною. Въ извѣстныхъ состоянiяхъ душа человѣческая бываетъ ненасытна. И если бы желанiя и мечты папы дѣйствительно осуществились, и всѣ народы и племена земныя поверглись къ ногамъ его, остался-ли бы онъ тогда вполнѣ доволенъ? Не думаемъ. Скорѣе, подобно Вавилонскому царю, онъ сказалъ бы тогда въ сердцѣ своемъ: *Взойду на небо, выше звѣздъ Божиихъ вознесу престолъ мой и сяду на горы въ сонмъ боговъ, на краю стѣвера; взойду на высоты облачныя, буду подобенъ Всевышнему* (Иса. 14, 13. 14).

Но послушаемъ, однако, что говоритъ самъ папа о своемъ долгѣ и своихъ плачахъ касательно тѣхъ племенъ и народовъ, которые доселѣ чужды ему.

„Между тѣмъ, говоритъ онъ, такъ какъ мы занимаемъ на землѣ мѣсто Бога всемогущаго, Который хочетъ всѣмъ человѣкамъ спастись и въ познанiе истины прiйти, и такъ какъ, кромѣ того, нашъ преклонный возрастъ и немощи приближаютъ насъ къ обычному исходу людей, то мы стараемся подражать примѣру Икупителя и Господа нашего Иисуса Христа, Который, уже близкiй къ возвращенiю на небеса, обращался къ Богу Отцу съ молитвой, чтобы ученики и послѣдователи Его были едино и умомъ и духомъ: *Молю, ... да будутъ всѣ едино, какъ Ты, Отче, во Мнѣ, и Я во Тебѣ, такъ и они да будутъ во Насъ*

едино (Іоан. 17, 21). Такъ какъ, продолжаетъ папа, эта божественная молитва касается не только тѣхъ, которые тогда вѣровали въ Іисуса Христа, но и тѣхъ, которые увѣруютъ въ Него въ будущемъ, то это даетъ намъ достаточныя основанія искренно высказать наши желанія и, насколько возможно, употребить всѣ средства къ тому, чтобы всѣхъ людей, безъ различія рода и мѣста, призвать и привлечь къ единству божественной вѣры“.

Само собою понятно, что если папа признаетъ себя намѣстникомъ всемогущаго Бога на землѣ, то можетъ-ли онъ довольствоваться подчиненіемъ ему только небольшой части населенія земнаго шара? Всемогущаго Бога знаютъ и почитаютъ всѣ люди: и папу должны знать и почитать всѣ люди. А такъ какъ пока еще великое множество людей не знаетъ, да и не желаетъ знать папу, то папу это смущаетъ и печаливаетъ.

Однако печаль не довела его до апатіи и унынія. У этого восьмидесяти-пяти-лѣтняго старца, стоящаго уже на краю могилы, не опустились въ изнеможеніи руки, а, напротивъ, онъ съ юношескимъ жаромъ, съ твердою рѣшимостію и, повидимому, съ непоколебимою вѣрою въ правоту своего дѣла и въ успѣхъ его объявляетъ всему свѣту, что онъ будетъ употреблять всѣ средства къ тому, чтобы всѣхъ призывать и привлекать къ себѣ.

Однимъ изъ этихъ средствъ является и самое заявленіе папы, что онъ будетъ употреблять ихъ. Такимъ же средствомъ служить и сама эта обсуждаемая нами энциклика или „апостольское посланіе святѣйшаго господина Божіимъ промысленіемъ папы Льва XIII“.

Апостолы даже и въ соборныхъ своихъ посланіяхъ обращались исключительно къ христіанамъ, не дѣлая воззванія ни къ язычникамъ, ни къ іудеямъ. Поступали они такъ не потому, чтобы ихъ душа не болѣла о людяхъ, не увѣровавшихъ еще во Христа, или чтобы въ ихъ любящемъ сердцѣ не нашлось для нихъ мѣста; но они знали, что невѣрующихъ нужно сначала расположить къ принятію Евангелія устною проповѣдію, а иначе они не станутъ ни читать, ни слушать посланій, да и мало поймутъ ихъ. Но намѣстнику всемогущаго Бога на землѣ и Апостолы не примѣръ, не указъ: онъ обращается съ своимъ воззваніемъ

ко всѣмъ государямъ и народамъ, и къ невѣрующимъ во Христа и къ вѣрующимъ въ Него, ко всей вселенной. Выходить такъ, что онъ какъ будто уже и на самомъ дѣлѣ есть глава всего человѣческаго рода.

Прежде всего онъ и обращается именно къ народамъ нехристіанскимъ. Но такъ какъ онъ не могъ не сознавать, что воззваніе его до ихъ ушей не дойдетъ и читать его энциклику они не будутъ, то онъ по необходимости ограничивается тѣмъ, что о невѣрующихъ во Христа народахъ говорить въ третьемъ лицѣ. Именно, онъ высказываетъ желаніе, чтобы они скорѣе просвѣтились христіанскою вѣрою, заявляетъ, что Церковь какъ всегда ревностно приводила народы къ христіанству, такъ и теперь уполномоченные имъ, папою, проповѣдники Евангелія приносятъ всяческія жертвы ради расширенія царства Христова, и высылаетъ молитву къ Іисусу Христу, прося Его не отлагать исполненія своего обѣщанія всѣхъ привлечь къ Себѣ, чтобы всѣ сочетались въ единствѣ.

Послѣ этого папа обращается къ христіанскимъ народамъ.

Свою рѣчь къ нимъ онъ начинаетъ двумя воспоминаніями: радостнымъ и тягостнымъ. Радостное воспоминаніе относится къ тѣмъ временамъ, „когда принятая народами божественная вѣра содержалась, какъ общее и нераздѣльное достояніе“, когда она соединяла всѣ народы. Печальное воспоминаніе относится къ тѣмъ вѣкамъ, когда, „вслѣдствіе происшедшихъ подозрѣній и вражды, многіе цвѣтущіе народы въ злополучныя времена отдѣлились отъ лона Римской церкви“. Папа увѣщаетъ и умоляетъ эти народы оставить раздоры и возвратиться къ единенію.

Затѣмъ папа въ частности обращается сначала къ христіанамъ восточныхъ церквей, а потомъ къ протестантскимъ народамъ.

О Востокѣ онъ говоритъ: „Ожиданіе исполненія нашего желанія внушаетъ намъ радостную надежду, что не далеко то время, когда... церкви восточныя возвратятся туда же, откуда удалились. Это тѣмъ болѣе, что онѣ отдѣляются не въ силу великаго разногласія: напротивъ, за исключеніемъ немногаго, мы настолько согласны съ ними во всемъ прочемъ, что при самой защитѣ католической вѣры мы не рѣдко заимствуемъ свидѣтельства и аргументы изъ ученія,

изъ нравовъ и обрядовъ, которыхъ держатся восточные. Главнымъ предметомъ ихъ разногласія съ нами является ученіе о первенствѣ римскаго первосвященника“.

Договорившись до этого, самаго чувствительнаго и для латинянъ, и для православныхъ, и для протестантовъ, мѣста, до этого, самаго важнаго и труднаго въ дѣлѣ соединенія церквей, вопроса, папа дѣлаетъ нѣсколько бѣглыхъ ссылокъ для доказательства той мысли, что съ самаго начала и до раздѣленія Церкви „у всѣхъ народовъ христіанскаго міра было священнымъ имя апостольской катедры, и римскому первосвященнику, какъ законному преемнику блаженнаго Петра, а слѣдовательно и намѣстнику Іисуса Христа на землѣ, одинаково, какъ Востокъ, такъ и Западъ, повиновались единомысленно, безъ всякаго сомнѣнія“. А именно, папа утверждаетъ, что свидѣтельство Христа: „Ты еси Петръ, и на семъ камнѣ созижду Церковь Мою“, вполне относится къ римскимъ первосвященникамъ, что въ первые вѣка многіе папы были избраны съ Востока и что папы управляли всѣмъ христіанскимъ міромъ; далѣе, папа бросаетъ скользкій намекъ на то, что разногласіе произошло не по винѣ латинянъ; затѣмъ онъ говоритъ, что „самъ Фотій ¹⁾ старался отправить въ Римъ ходатаевъ по своимъ дѣламъ“ и что „вся исторія этого дѣла (дѣла патріарха Фотія съ патріархомъ Игнатіемъ) ясно подтверждаетъ первенство римской катедры, хотя по причинѣ этого именно дѣла и произошелъ тогда разладъ“. У папы достаетъ смѣлости и духа прибавить, что даже и послѣ раздѣленія Церкви, „на великихъ соборахъ, Ліонскомъ Второмъ и затѣмъ Флорентійскомъ, какъ всякому извѣстно, верховную власть римскихъ первосвященниковъ и латиняне и Греки безъ труда и единогласно признали, какъ догматъ“.

Сознавая, что въ этихъ доказательствахъ нѣтъ ничего новаго, что они, и притомъ съ гораздо большею полнотою и обстоятельностью, тысячу разъ были приводимы латинскими богословами и тысячу разъ были опровергаемы богословами православными и протестантскими, папа далѣе какъ бы извиняется въ томъ, что онъ повторяетъ общеизвѣстное и притомъ берeditъ старыя раны. „Мы намѣ-

¹⁾ Повидимому, не безнамѣренно папа въ энцикликѣ не удостоилъ называть Фотія патріархомъ, а Игнатія назвалъ патріархомъ.

ренно, говорить онъ, припомнили эти обстоятельства, потому что въ нихъ заключается какъ бы приглашеніе къ возстановленію мира,—тѣмъ болѣе, что въ настоящее время мы замѣчаемъ на Востокъ гораздо болѣе снисходительное къ католикамъ отношеніе и даже извѣстную наклонность къ благоволенію. Это обнаружилось недавно, когда именно нашимъ приверженцамъ, ради благочестія отправлявшимся на Востокъ, были тамъ оказываемы добрыя услуги, со всѣми признаками человѣколюбія и дружбы“.

Къ соображеніямъ и доказательствамъ мирнаго характера папа присоединяетъ даже и угрозу тѣмъ, которые будутъ упорно пребывать въ разъединеніи съ Латинскою церковію. Но такъ какъ онъ хорошо знаетъ, что въ настоящее время ватиканскихъ громовъ мало боятся даже и въ латинскихъ странахъ, а въ православныхъ и подавно, то онъ, какъ тонкій дипломатъ, произноситъ угрозу не отъ своего лица, а приводитъ слова одного восточнаго епископа, склонившагося къ уніи съ Римомъ, Виссаріона Никейскаго, называвъ рѣчь его полною любви и важности.

Въ заключеніе изложенія своихъ доводовъ въ пользу главенства римскаго первосвященника и необходимости всѣмъ подчиниться ему папа говоритъ: „Поэтому наши уста открываются къ вамъ, кто бы вы ни были, греческаго или другаго восточнаго обряда, находящіеся въ разногласіи съ Католическою церковію... Руководясь отнюдь не человѣческими интересами, а божественною любовью и желаніемъ общаго спасенія, мы убѣждаемъ васъ къ воссоединенію и союзу съ Римскою церковію“.

За приглашеніемъ къ соединенію естественно вести рѣчь о сущности соединенія, вести рѣчь о томъ, какого рода союза желаетъ и домогается папа. Дѣйствительно, онъ сейчасъ же говоритъ объ этомъ. Но говоритъ онъ объ этомъ важнѣйшемъ и главнѣйшемъ предметѣ своего посланія слишкомъ кратко, всего въ нѣсколькихъ строкахъ. Повидимому, рѣчь объ этомъ скомкана не безъ намѣренія. „Союзъ, говоритъ папа, разумѣемъ полный и совершенный, ибо таковымъ отнюдь не можетъ быть такое воссоединеніе, которое означаетъ не что иное, какъ нѣкоторое извѣстное согласіе въ догматахъ вѣры и общеніе въ братской любви. Истинное единеніе между христіанами, какое установилъ и

какого желалъ основатель Церкви Иисусъ Христосъ, состоитъ въ единствѣ вѣры и управленія“. Къ этому папа присовокупляетъ, что ни онъ, ни его преемники ничего не умалятъ „изъ правъ, патріаршихъ привилегій и обрядовыхъ установленій каждой церкви“, а между тѣмъ эти церкви очень много выиграли бы въ достоинствѣ и благоприличіи. Свою рѣчь къ восточнымъ христіанамъ папа заканчиваетъ пожеланіемъ, чтобы Господь услышалъ собственныя молитвы ихъ о прекращеніи раздоровъ церковныхъ и о присоединеніи всѣхъ къ соборной и апостольской Церкви, и молить Бога, чтобы Онъ возстановилъ ихъ въ древнюю единую и святую вѣру.

Нашлось у папы нѣсколько любезныхъ словъ собственно славянскимъ народамъ, „о славѣ имени которыхъ свидѣтельствуютъ памятники совершенныхъ дѣлъ“. „Вы знаете, говоритъ имъ папа, какую услугу оказали славянамъ святые въ вѣрѣ отцы Кирилль и Меѳодій, память которыхъ мы сами постарались, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, почитать должною честью... Вслѣдствіе этого (!), между Славянами и римскими первосвященниками долго существовала превосходнѣйшая взаимность — съ одной стороны благотѣлнй, а съ другой — вѣрноподаннической преданности. Такъ какъ печальная бѣдственность временъ отчуждила отъ римскаго исповѣданія большую часть вашихъ предковъ, то обсудите, какъ бы вамъ возвратиться къ единству. Церковь не перестаетъ призывать васъ въ свои объятія, предлагая вамъ многоразличный источникъ спасенія, благоденствія и величія“.

О Россіи и Русскихъ прямо папа не упоминаетъ ни однимъ словомъ. Но, безъ сомнѣнія, обращаясь къ восточнымъ христіанамъ вообще и къ славянамъ въ частности, онъ имѣетъ въ виду и Россію, и даже, можетъ быть, его желанія и домогательства къ ней-то по преимуществу и относятся.

Протестантамъ папа поставляетъ на видъ отрицаніе ими авторитета древне-церковнаго ученія и самого Священнаго Писанія, проистекающее изъ предоставленнаго каждому права толковать его по своему разуму и произволу, и склонность многихъ изъ нихъ колебать самую основу христіанской вѣры—ученіе о божественности Иисуса Христа; далѣе онъ указываетъ на то, что такое отрицаніе общеобяза-

тельныхъ правилъ вѣры и дѣятельности произвело противорѣчащія между собою мнѣнія и разнообразныя секты, переходящія въ область натурализма, или раціонализма, такъ что сами протестанты отчаялись привести различныя мнѣнія къ согласію и проповѣдуютъ имѣть только общеніе въ братской любви, забывая, что любовь не можетъ сочетать умы, если вѣра не сдѣлаетъ согласными душъ; а наконецъ, заявляетъ, что иные изъ протестантовъ сами сознали, „что они не могутъ соединиться съ главою, т. е., Іисусомъ Христомъ, не принадлежа къ Его тѣлу, т. е., къ Церкви, равно какъ не могутъ обладать искреннею вѣрою во Христа, отрицая законное главенство надъ Церковію, преданное Петру и его преемникамъ; что они поняли также, что иъ Римской именно церкви проявился образъ и родъ истинной Церкви... и что многіе изъ нихъ превосходными сочиненіями подтверждали преемство Римской церкви отъ Апостоловъ, непреложность ея догматовъ и постоянство ея дисциплины. Ссылаясь на таковыхъ, папа призываетъ протестантовъ къ соединенію съ Латинскою церковію.

Не забылъ папа и своихъ латинянъ. Имъ онъ говорить, что „хотя и нѣтъ надобности призывать ихъ къ истинному и святому единству, въ которомъ они, по божественной благодати, уже состоятъ, но ихъ нужно увѣщевать къ тому, чтобы они, подвергаясь какимъ-либо опасностямъ, по своей безпечности или невѣдѣнію, не погубили ввѣреннаго имъ высшаго дара Божія; пусть они ставятъ себѣ верховнымъ закономъ то, чтобы, не тяготясь управленіемъ и властью Церкви, не съ недовѣріемъ, но всею душою и съ доброю волею повиноваться ей во всѣхъ дѣлахъ“.

Чтобы такое требованіе не показалось слишкомъ строгимъ и тяжелымъ, папа далѣе раскрываетъ понятія о сущности, правахъ и назначеніи Церкви. По его мнѣнію, для христіанскаго единенія было чрезвычайно пагубно то, что ложныя идеи омрачили и даже во многихъ умахъ искоренили истинное понятіе о Церкви. Церковь, рассуждаетъ папа, „есть общество совершенное, назначеніе и должность котораго состоитъ въ томъ, чтобы внушать роду человѣческому начала и установленія евангельскія, охранять чистоту нравовъ и совершеніе христіанскихъ добродѣтелей и чрезъ это приводить всѣхъ людей къ предопредѣленному

имъ небесному блаженству; она имѣетъ силу и источникъ жизни, не заимствуемый извнѣ, но вложенный божественнымъ совѣтомъ въ самую ея природу, и потому она имѣетъ свойственную ей власть законовъ, въ исполненіи которыхъ она не должна подчиняться никому, подобно тому, какъ и въ другихъ отношеніяхъ ей надлежитъ быть свободной“. Но Церковь, продолжаетъ папа, не злоупотребляетъ своею свободою и могуществомъ, не руководится какою-либо алчностью, а допускаетъ даже послабленіе и материнскую снисходительность, воздерживаясь, по обстоятельствамъ, отъ своего права. „Нѣтъ ничего болѣе ей чуждаго, какъ посягать на права государства; но и государство, въ свою очередь, должно уважать права Церкви, должно остерегаться хотя одну часть ихъ присвоить себѣ“.

Бросая затѣмъ взоръ на теперешнія отношенія народовъ и правительствъ къ Церкви, папа сознается, что многіе относятся къ Церкви „съ подозрѣніемъ, съ презрѣніемъ, съ ненавистью и завистью“..., „прибѣгаютъ ко всякимъ способамъ и усиліямъ, чтобы сдѣлать ее рабой гражданскаго правительства; отсюда отнятіе у нея имуществъ и стѣсненіе ея свободы, созданіе всякихъ затрудненій для кандидатовъ священства, исключительно суровые законы для духовенства, закрытіе и запрещеніе (монашескихъ) обществъ“.

По мнѣнію папы, „это значитъ посягать на святѣйшія права Церкви и готовить обществамъ плачевныя катастрофы, потому что это значитъ явно противиться намѣреніямъ Бога... Который, давъ собранію людей гражданскую и духовную власть, постановилъ, чтобы онѣ всегда оставались отдѣльными, и запретилъ всякій разрывъ и всякое столкновеніе между ними“... „Если у государства есть свои собственныя права и обязанности, то то же самое и у Церкви; но необходимо, чтобы они были соединены узами согласія другъ съ другомъ, чтобы гражданская власть въ дѣлахъ управленія согласовалась съ церковною, какъ того требуютъ воля Самого Бога и общее благо человѣческаго общества“.

„Итакъ, дѣлаетъ заключеніе папа, пусть же церкви и государства устраняютъ отъ себя существующія теперь взаимныя несогласія, печальныя по самому своему имени и пагубныя для всякихъ благъ; пусть граждане, стремясь къ

тому, чтобы, не смѣшивая и не разъединяя правъ того и другой, воздавать Кесарево Кесарю и Божіе Богу“.

Другая „великая опасность для единства, по мнѣнію папы, угрожаетъ отъ масонскаго общества, мрачная сила котораго уже давно угнетаетъ особенно народы католическіе. Пользуясь смутностію временъ, гордое своими силами и успѣхами, оно старается еще крѣпче упрочить свое господство и шире распространить свою дѣятельность. Уже изъ мрака и темныхъ засадъ оно выступило на свѣтъ въ жизнь и расположилось даже въ самомъ нашемъ городѣ, главѣ католическаго имени, какъ бы издѣваясь надъ религіей Божіей ¹⁾. Но что особенно печально, такъ это то, что куда бы оно ни ступило, оно повсюду проникаетъ во всѣ классы и во всѣ учрежденія государства, чтобы захватить и тамъ верховную власть. Бѣдственно это особенно потому, что и зловредность его мнѣній и нечестіе его совѣтовъ вполнѣ извѣстны. Подъ видомъ защиты человѣческихъ правъ и гражданскаго общества, оно враждебно относится къ христіанскому имени, отвергаетъ преданное Богомъ ученіе, поноситъ учрежденія благочестія, божественныя таинства и другія священныя установленія, называя ихъ суевѣрными; въ отношеніи брака, семейства, воспитанія юношей и всякой частной и общественной дисциплины старается отнять у нихъ христіанскую форму и изъ души народовъ изгнать всякое уваженіе къ человѣческой и божественной власти. Оно учитъ, что нужно поклоняться самому человѣку и цѣнить его только принципы, все направляя къ истинѣ, честности и справедливости. Въ такомъ случаѣ, какъ очевидно, человѣкъ возвращается къ нравамъ

---

¹⁾ Въ газетахъ сообщалось, что при празднованіи двенадцатипятилѣтняго юбилея со времени завоеванія Папской области и объединенія Италіи въ торжественныхъ процессіяхъ по улицамъ „вѣчнаго города“ масонскіе значки несли впереди христіанскихъ знаменъ. Тѣ изъ Итальянцевъ, которые привержены къ христіанской вѣрѣ и расположены къ Церкви, были недовольны такимъ предпочтеніемъ, оказаннымъ масонамъ, и признали это однимъ изъ доказательствъ своего мнѣнія, что все это торжество, затѣянное Итальянскимъ правительствомъ, было не столько проявленіемъ національнаго патріотическаго чувства при воспоминаніи объединенія Италіи, сколько демонстраціей противъ папы, духовенства, Латинской церкви и даже христіанской вѣры.

и привычкамъ жизни почти язычниковъ, если только не къ худшимъ отъ усилившихся соблазновъ.... Милосердый Богъ да предотвратитъ эти злыя козни. Пусть же почувствуетъ и уразумѣетъ христіанскій народъ, что нужно-же когда нибудь свергнуть недостойное иго этой секты, и пусть особенно позаботятся о томъ тѣ, кто болѣе угнетены ею, именно Итальянцы и Французы. Какимъ оружіемъ и какимъ способомъ лучше всего могли бы они достигнуть этого, мы уже показывали. Побѣда не можетъ быть сомнительною для вѣрныхъ, во главѣ съ тѣмъ Вождемъ, божественный голосъ котораго гласитъ: *Я побѣдилъ міръ* (Іоан. 16, 33)“.

„Когда будетъ устранена эта двойная опасность, и государства придутъ къ единству вѣры, то, восклицаетъ папа, сколько получится дѣйствительныхъ средствъ для борьбы со зломъ, и какое будетъ богатство благъ!“

Затѣмъ онъ указываетъ главные изъ нихъ.

По его словамъ, „Церковь заняла бы должный ей рангъ чести и, свободная и уважаемая, она шествовала бы своимъ путемъ, распространяя вокругъ себя евангельскую истину и благодать; и это принесло бы особенное благоденствіе государствамъ. Ибо она, будучи управительницей и назначенною отъ Бога водительницей рода человѣческаго, наилучше умѣетъ дѣйствовать, сообразно съ разными переворотами времени, къ общему благу, давать истинное разрѣшеніе самымъ сложнымъ вопросамъ, способствовать царству права и справедливости, какъ самымъ твердымъ основамъ общества“.

„Тогда между народами произошло бы славное взаимосообщеніе, желательное особенно въ настоящее время, чтобы предотвращать ужасы войнъ. Тогда теперешнія огромныя вооруженія, истощающія царства и народы и сдѣлавшіяся невыносимымъ бременемъ, были бы не нужны, ибо подавить честолюбіе, алчность, духъ соперничества—этотъ троякій очагъ, гдѣ обыкновенно загорается война, ничто не можетъ лучше, какъ христіанскія добродѣтели и особенно справедливость“.

Тогда, по мнѣнію папы, были бы обезпечены и внутренній миръ и безопасность, нарушаемые теперь обществами мятежниковъ, которые угрожаютъ жизни гражданъ и домогаются ниспровергнуть правительства. Обсуждаемые теперь

два вопроса: социальный ¹⁾ и государственный ²⁾, самое мудрое и справедливое рѣшеніе могутъ получить только при содѣйствіи христіанской вѣры.

„Наконецъ, говоритъ папа, если принять во вниманіе, что можетъ сдѣлать Церковь въ качествѣ матери и примирительницы между народами и государями, рожденная для того, чтобы своею властію и своими совѣтами помогать имъ тѣмъ и другимъ, то будетъ понитно, какъ важно, чтобы всѣ народы въ отношеніи христіанской вѣры одинаково мыслили и одинаково исповѣдывали. Размышляя объ этомъ и всею душею стремясь къ этому, мы въ отдаленіи созерцаемъ, каковъ былъ бы на землѣ порядокъ вещей, и не знаемъ, что можетъ быть пріятнѣе созерцанія имѣющихъ послѣдовать отсюда благъ. Едва-ли умъ можетъ вообразить себѣ, какое направленіе получила бы жизнь народовъ ко всякому благу и благосостоянію, когда бы прочно утвердились миръ и спокойствіе“. „Сила этихъ благодѣяній не ограничилась бы предѣлами образованныхъ народовъ, а разливалась бы далеко и широко, какъ самый обильный потокъ... Безконечное множество народовъ цѣлые вѣка ожидаютъ, отъ кого бы получить свѣтъ истины и цивилизаціи... Если и доселѣ зло-вредное суевѣріе разлито по различнымъ пространствамъ земли, то это нужно приписать отчасти злополучнымъ раздорамъ касательно религіи... Кажется очевиднымъ, что именно на Европу Богъ возложилъ обязанность мало-по-малу распространять по землѣ блага христіанской цивилизаціи. Начало и успѣхи этого благаго дѣла, наслѣдія прежнихъ вѣковъ, продолжали счастливо умножаться, какъ въ XVI вѣкѣ неожиданно разразилось разногласіе..., и вслѣдствіе этого тревожнаго времени апостольскимъ трудамъ нанесенъ былъ роковой ущербъ. Если уже между нами происходятъ разногласія, то удивительно-ли, что самая большая часть людей еще предаются безчеловѣчнымъ обычаямъ и обрядамъ, осуждаемымъ разумомъ?“

¹⁾ Вопросъ объ отношеніи труда къ капиталу, трудящихся классовъ общества къ имущимъ. Этотъ вопросъ папа спеціально обсуждалъ и рѣшалъ въ особой энцикликѣ, изданной вѣсколько лѣтъ тому назадъ, о чемъ онъ упоминаетъ и въ настоящей энцикликѣ.

²⁾ Вопросъ о взаимоотношеніи между свободою и властію, между народами и правительствами.

„Будемъ же всѣ съ одинаковыми усиліями стараться о томъ, чтобы возстановилось древнее согласіе ради общаго блага“.

Какъ бы сознавая, что желанія его уже слишкомъ велики, папа говоритъ: „Потребуется долгіе и тяжелые труды, прежде чѣмъ возникнетъ тотъ порядокъ вещей, установленія котораго мы желаемъ; быть можетъ, не будетъ недостатка и въ тѣхъ, которые думаютъ, что мы слишкомъ предаемся надеждѣ и стремимся къ тому, чего скорѣе можно желать, чѣмъ ожидать. Но мы всю свою надежду и все свое упованіе возлагаемъ на Спасителя человѣческаго рода.... Мы особенно просимъ государей и главъ государствъ, чтобы они, во имя своего гражданского благоразумія и добраго попеченія о народахъ, по истинѣ оцѣнили наши совѣты и посодѣйствовали имъ своимъ благоволеніемъ и своею властію“....

„Настоящій вѣкъ, приближающійся къ своему концу, не оставитъ-ли въ наслѣдство человѣческому роду залогъ согласія съ надеждой на лучшія блага, которыя содержатся въ единствѣ христіанской вѣры?“

Въ заключеніе папа проситъ Бога, чтобы Онъ содѣйствовалъ его желаніямъ и ожиданіямъ и чтобы поспѣшилъ исполнить обѣтованіе Іисуса Христа, чтобы было *едино стадо и единъ Пастырь* (Іоан. 10, 16).

Хотя папская энциклика размѣрами не превышаетъ одного печатнаго листа, но она очень содержательна, а потому мы не могли изложить ея содержаніе въ немногихъ словахъ. Къ подробнѣйшему изложенію содержанія энциклики побуждало насъ еще и то, что при критическомъ разборѣ сочиненій, особенно вѣроисповѣдныхъ, какова энциклика, необходимо приводить точныя слова разбираемаго произведенія и не вырывать изъ него отдѣльныя фразы, а приводить и контекстъ рѣчи, чтобы не было повода подозрѣвать критика въ извращеніи мыслей разбираемаго произведенія, въ перекруткахъ и натяжкахъ и т. п.

Въ энцикликѣ красною нитью проходитъ одна идея, что всѣ христіанскіе народы не-латинскаго исповѣданія должны воссоединиться съ Латинскою церковію, что всѣ иновѣрные, не-христіанскіе народы должны принять латинскую вѣру, что всѣ вообще народы земли должны подчиниться папѣ, признавши его церковнымъ главою надъ всѣмъ міромъ, и

что нѣкогда все это дѣйствительно будетъ. Но, раскрывая эту идею, папа мимоходомъ, то явно и открыто, то вскользь и намеками, касается многихъ стороннихъ предметовъ и затрагиваетъ многіе важные и живые вопросы современной жизни. Онъ обсуждаетъ не одни только вопросы церковные, или богословскіе, но и государственные и соціальные.

Какъ словесное произведеніе, энциклика очень краснорѣчива, написана мастерски. Строгое единство въ раскрытіи разнообразнаго содержанія энциклики, сгруппированнаго около одной идеи; постепенность и методичность раскрытія основной идеи; продуманность и строгая выдержанность плана; равномерность частей; искусство въ постановкѣ и раскрытіи доказательствъ; необыкновенная легкость въ переходахъ отъ одного предмета рѣчи къ другому; дипломатическая тонкость въ постановкѣ и рѣшеніи вопросовъ трудныхъ и щекотливыхъ; обиліе мыслей и разнообразіе обсуждаемыхъ предметовъ; смѣлость замысловъ и грандіозность плановъ; непоколебимая вѣра въ успѣхъ дѣла соединенія церквей, которому посвящена энциклика, и упорная рѣшимость достигать осуществленія его всѣми средствами и силами; конкретность, живость и драматичность рѣчи, выражающей то радость и восторженность, то печаль и сожалѣніе, и оживляемой то молитвенными восклицаніями къ Богу, то пастырскими воззваніями къ царямъ и народамъ; какая-то эластичность въ оборотахъ рѣчи, тщательно закругленныхъ и какъ бы отшлифованныхъ; пріятная мягкость, изысканная вѣжливость и утонченная деликатность въ обращеніяхъ и оцѣнкахъ—все это далеко выдвигаетъ рассматриваемую энциклику изъ ряда другихъ папскихъ окружныхъ посланій и невольно увлекаетъ и завлекаетъ читателя, богослова и не-богослова.

Но въ достоинствахъ энциклики заключаются и ея слабая стороны. По общему характеру своему энциклика болѣе похожа на тонкій и искусно составленный дипломатическій документъ, нежели на окружное посланіе епископа, который, притомъ, носитъ названія „святѣйшаго отца“, „первосвященника“, „папы Римскаго“, который слыветъ „епископомъ епископовъ“ и „преемникомъ Петра“, который претендуетъ быть „главою вселенской Церкви“ и даже „намѣстникомъ Христа и Бога на землѣ“. Отъ энциклики вѣетъ

свѣтскимъ, мірскимъ духомъ. Папа неоднократно призываетъ молитвенно на помощь Бога, разсуждаетъ о пользахъ Церкви, желаетъ всѣхъ людей сдѣлать участниками спасенія, и всетаки энциклика производитъ впечатлѣніе дѣловой канцелярской бумаги, или государственнаго проекта. Въ ней мало церковности и истинной религіозности. Нѣтъ въ ней и той безъ искусственной простоты, той какъ бы наивности, плѣнительной какъ безъискусственная красота полевого цвѣтка, которыми обыкновенно запечатлѣны творенія генія и писанія святыхъ мужей. Такъ и кажется, что ужъ не цѣлый-ли конклавъ духовныхъ лицъ и богослововъ фабриковалъ это посланіе, обсуждая каждую мысль, выковывая каждую фразу. Повидимому, составитель (или составители) посланія прилагалъ всевозможныя старанія къ тому, какъ бы не промахнуться, не проговориться, не сказать чего лишняго, какъ бы искуснѣе замаскировать свои затаенныя намѣренія и планы, выгоднѣе оттѣнить и освѣтить свои предложенія, предотвратить подозрѣнія и возраженія, произвести наибольшій эффектъ. Многіе несомнѣнные факты и важные вопросы, не соответствующіе цѣлямъ энциклики, намѣренно ступшеваны, или замолчаны, или даже извращены, а все, дѣйствительно или мнимо благопріятствующее цѣлямъ энциклики, выдвинуто на первый планъ и ярко освѣщено. Въ энцикликѣ высказано много важныхъ и безспорныхъ истинъ, но другія изреченія показываютъ, что авторъ ея до такой степени отуманенъ и ослѣпленъ вѣроисповѣдными предразсудками, что не видитъ и не признаетъ, или не хочетъ видѣть и признать, общеизвѣстныхъ фактовъ и несомнѣнныхъ истинъ. Онъ упорно держится укоренившихся въ Латинской церкви и въ папской системѣ заблужденій и безъ колебанія жертвуетъ истиной, если это представляется ему нужнымъ для достиженія его будто бы святой и великой цѣли. Это, замаскированное фразами, пренебреженіе правдою, особенно неумѣстное въ такомъ произведеніи, которое имѣетъ надписаніе: „Апостольское посланіе святѣйшаго господина нашего Божіимъ промышленіемъ папы Льва XIII“, и которое обращено „къ государямъ и всѣмъ народамъ“, разочаровываетъ читателя энциклики, роняетъ достоинство ея и низводитъ ее въ рядъ прочихъ тенденціозно-вѣроисповѣдныхъ произведеній латинско-церковнаго пера, которымъ давно уже никто не вѣ-

рить, кромѣ самихъ латинянъ, да и то не всѣхъ. Конечно, людямъ, не получившимъ богословскаго образованія и, въ частности, незнакомымъ съ духомъ, характеромъ и приемами письменности латинскихъ богослововъ, и въ голову не придетъ заподозрить энциклику во лжи: до такой степени она подкупаетъ читателя краснорѣчіемъ, нѣжною пастырскою попечительностію папы о благѣ всѣхъ людей, его религіозною ревностію о соединеніи всѣхъ народовъ въ одну Церковь, его пламеннымъ желаніемъ всѣхъ людей обратить ко Христу и привести къ спасенію, равно какъ всѣмъ народамъ доставить и земное благополучіе. Но знающій литературные приемы латинскихъ богослововъ и латинскаго духовенства и способы ихъ дѣйствованія никакъ не можетъ отрѣшиться отъ подозрѣнія, что утонченная вѣжливость рѣчи въ энцикликѣ есть коварная вкрадчивость, а изысканная деликатность есть заискивающая лесть, что подъ личиною нѣжнаго отца и многопопечительнаго пастыря скрываются ненасытное честолюбіе, безграничное властолюбіе и даже жестокая тираннія деспота, что религіозная ревность папы, пусть даже она искренна, не свободна отъ фанатизма и, при одностороннихъ, а отчасти и лживыхъ началахъ, лежащихъ въ основѣ папской системы, можетъ принести не столько пользы и добра, сколько вреда и зла. Къ энцикликѣ вполне примѣнима русская пословица: „мягко стелетъ, да жестко спать“. Энциклика—это голосъ поющей сирены, голосъ сладкозвучный, но потому-то особенно и опасный. Но смѣемъ увѣрить папу и его приверженцевъ, что онъ находится въ глубокомъ самобольщеніи, если онъ вѣритъ и надѣется, что восточныя церкви прельстятся его краснорѣчіемъ или увлекутся его заманчивыми обѣщаніями. Онѣ знаютъ слѣдующее предостереженіе древняго пророка: *Такъ говоритъ Господь Саваоѳъ: Не слушайте словъ пророковъ пророчествующихъ вамъ: они обманываютъ васъ, рассказываютъ мечты сердца своего;—не отъ устъ Господнихъ* (Иерем. 23, 16).

Александръ Бѣллевъ
